

НАДЕЖДА ТИХОНОВА

Переосмысляя религиозный дискурс газеты «Переводчик-Терджиман»

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-243-272>

Nadezhda Tikhonova

Rethinking the Religious Discourse of the “Perevodchik-Terjiman” Newspaper

Nadezhda Tikhonova — Independent Researcher. nadezhdatikhonova@yahoo.com

Following the revisionist approach of the last decade, this article invites to further contextualize the nature of changes in Russian Muslim communities in late imperial Russia through the analysis of the religious discourse of the bilingual Russian Muslim “Perevodchik-Terjiman” newspaper. This newspaper was published in two languages, Russian and so called common Turkic, from 1883 to 1918 in Bakhchysarai by a prominent Russian Muslim educator Ismail Gasprinskii (1851–1914). By comparing its parallel Russian and Turkic narratives, we explore how the “Terjiman” represented Islam and Russian Muslims for Muslim and non-Muslim audiences and how it correlated with the representations of their status in late-imperial Russia. As in his argumentation both in Russian and Turkic Gasprinskii used quotations from the Quran and Hadith, it seems that newspaper’s editors, from one hand, sought to speak the same language as their target audience (Muslims) and thus convey their views in a more comprehensible way, and on another hand, emphasized the cultural otherness of Muslims in the Empire.

Keywords: “Perevodchik-Terjiman” newspaper, Ismail Gasprinskii, religious discourse, Russian Muslims, late-imperial Russia.

Введение

ПРОБЛЕМА переосмысления и адекватного аналитического описания интеллектуальной жизни российских мусульман продолжает вызывать дискуссии среди иссле-

дователей российского ислама. Недавние исследования по теме подвергли сомнению и деконструкции в прошлом доминировавшую дихотомию, делившую мусульман на «традиционалистов (кадимистов)» и «прогрессистов (джадидов)», призывая таким образом к более критическому отношению к широкому спектру течений в рамках феномена мусульманского реформизма¹.

Религиозный дискурс мусульманской газеты «Переводчик-Терджиман»² (далее — «Терджиман»³), которая издавалась в Бахчисарае с 1883 по 1918 гг. и с 1891 по 1903 гг., являлась единственным частным изданием для российских мусульман, может служить репрезентативным примером для анализа в этом ключе как минимум потому, что редакция газеты сама была активно вовлечена в процесс формирования впоследствии закрепившейся оппозиции «джадидизм — кадимизм»⁴.

«Терджиман» был создан в условиях актуализации как реформистского дискурса внутри мусульманской общины⁵, так и общеевропейских дискуссий о совместимости ислама и прогресса. Примечательно, что начало издания «Терджимана» (10 апреля 1883 г.) практически совпало со знаменитой лекцией Эрнеста Ренана «Исламизм и наука» (29 марта 1883 г.), прочитанной им в Сорбоннском университете и в том же году вышедшей в виде отдельной брошюры⁶, переведенной на несколько языков, в том числе на русский. В ней французский ученый оспаривал принципиальную возможность прогресса в рамках ислама. Подобная ри-

1. См., например: DeWeese, D. (2016) “It Was a Dark and Stagnant Night (Till the Jadids Come and Brought the Light): Cliches, Biases and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient* (59): 37–92; Kemper, M. (1998) *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889*. Berlin: Schwarz; Lazzarini, E. (2015) “Rethinking the Advent of Jadidism”, *Kazan Islamic Review* (1): 132–148.
2. В исследовании были использованы оцифрованные копии газеты «Терджиман» за 1883–1914 гг., размещенные в открытом доступе на официальном сайте Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [http://nlr.ru/res/inv/ukazat55/record_full.php?record_ID=193088, доступ от 20.11.2023].
3. Я именую газету «Терджиман» именно в такой форме (а не в альтернативной — «Тарджуман», «Терджуман», поскольку это было то название, которое официально использовалось в шапке газеты по-русски и по-французски (Terdjiman).
4. Кадимджилик, джадидджилик // Терджиман. 1909. № 19. 5 мая.
5. О формировании и распространении реформистского дискурса (*ислях*) среди российских мусульман см., например: Kemper, M. (1998) *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Bashkirien, 1789–1889*.
6. Renan, E. (1883), *L'Islamisme et la science: conférence faite à la Sorbonne le 29 mars 1883*. Paris: Calmann Levy Editeur.

торика о том, что причина отсталости мусульман кроется в самой сути этой религии, была продолжена в российском общественном дискурсе, в частности издателем «Туркестанской туземной газеты», востоковедом Н. П. Остроумовым.

Издатель «Терджимана» Исмаил Гаспринский, в частности, неоднократно вступал в полемику с Н. П. Остроумовым по вопросу прогрессивности ислама и даже состоял с ним в личной переписке⁷. Религиозный дискурс «Терджимана» был с самых первых лет издания направлен, с одной стороны, на доказательство широкой имперской публике принципиальной совместимости ислама и прогресса, а с другой, на популяризацию подобных («прогрессистских») идей в среде собственно российских мусульман.

«Терджиман» до декабря 1905 г. систематически публиковался на двух языках — русском и т.н. общетюркском. Впоследствии русский раздел был значительно сокращен в объеме, и по-русски стали выходить только отдельные статьи — официальные указы, стенограммы выступлений депутатов Госдумы, полемика с российской прессой и общественностью по поводу «мусульманского вопроса» в России и т.д. Изначально имевший всего около 300 подписчиков, «Терджиман» постепенно расширил свою читательскую аудиторию, достигнув к 1905 г. максимального тиража в 5000 экземпляров, издаваясь не только на территории Российской империи, но и за ее пределами (в Османской империи, Персии, Бухаре, Хиве, Кульдже).

Хотя сама редакция «Терджимана» характеризовала газету как «издание для мусульман», на мусульман, причем образованных⁸, был ориентирован в основном только тюркский раздел. В свою очередь, аудиторией русского раздела были не только и не столько мусульмане, сколько, по всей видимости, чиновники, журналисты, востоковеды. Последние, впрочем, могли и читали газету на обоих языках, зачастую сопоставляя параллельные статьи. Так, например, известный востоковед-тюрколог, цензор мусульманских изданий

7. *Остроумов Н. П.* Что такое Коран? По поводу статей гг. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мирзы Алима. Ташкент, 1883.

8. Тюркский язык «Терджимана» представлял собой упрощенную версию османского со значительным татарским и русским элементом (в простой транслитерации на арабицу в тюркском тексте передавались, например, термины из официального обихода — «генерал-губернатор», «земство», «чиновник» и др.). Понимать его могли только люди грамотные, умеющие читать по-тюркски на арабской графике. Подробнее о языке и терминологии «Терджимана» см., например: *Тихонова Н. Е.* Роль крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман» Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

при Санкт-Петербургском цензурном комитете В. В. Смирнов (1846–1922), который, в том числе, рецензировал «Терджиман» в первые годы издания⁹, отмечал: «Недаром же в “Переводчике” зачастую, бывало, об одном и том же предмете по-разному трактуется в татарском тексте и русском переводе»¹⁰. Соглашаясь с заключением Смирнова В. В. о наличии расхождений в двуязычных статьях «Терджимана», в данной работе я предлагаю обратиться, помимо прочего, к их сравнительному анализу. В этой связи мой аргумент состоит в том, что зачастую недостаточно рассмотреть только русский или, наоборот, тюркский вариант газетной статьи, поскольку таким образом можно упустить отдельные смыслы, закладываемые Гаспринским при обращении к двум разным аудиториям. В данной статье при этом я буду приводить оба варианта (русский и тюркский) только в тех случаях, когда различия в них существенны не столько с точки зрения смещения акцентов (оно почти всегда присутствовало в рамках религиозного дискурса газеты), сколько с точки зрения передачи разных «сообщений».

Несмотря на то, что деятельности И. Гаспринского и его газеты «Терджиман» посвящено большое количество исследований, включая широко известные труды под авторством Эдварда Лаззерини, Мустафы Туны, Джеймса Мейера¹¹, в них авторы фокусируются в основном на аспекте распространения «новометодного» обучения и формирования новых мусульманских элит по европейской модели. В недавно опубликованной работе Г. Сибгатуллиной¹², в которой автор, опираясь в основном на ранние русскоязычные публикации И. Гаспринского, характеризует его как мусульманского лидера с *гибридной идентичностью*, наблюдается отход от принятой парадигмы и попытка рассмотрения идей Гаспринского в более

9. Изначально цензурирование «Терджимана» происходило в Санкт-Петербургском цензурном комитете. Впоследствии цензурирование газеты по прошению И. Гаспринского было перенесено в Симферополь для ускорения выхода издания.
10. РГИА. Ф. 776. Оп. 12-1880. Д. 82. Л. 116–119 об. (заключение Смирнова В. на прошение И. Гаспринского).
11. Lazzzerini E. (1992) “Ismail Gasprinskii’s Perevodchik” [Tercüman: a clarion of modernizm], in H. B. Paksoy (ed.) *Central Asian Monuments*, pp. 143–156. Istanbul: Isis press; Meyer, J. (2014) *Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman borderlands, 1856–1914*. Oxford: Oxford University Press; Tuna, M. (2017) “Pillars of the Nation”: The Making of Russian Muslim Intelligentsia and the origin of Jadidism”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18(2): 257–281; и др.
12. Sibgatullina, G. (2022) “When the Other speaks: Ismail Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation”, *Journal of economic and social history of the Orient* (65): 214–241.

широком контексте — не только с позиции европейского дискурса о прогрессе, но и включенности в глобальный дискурс исламского реформизма. Не оспаривая достоинства работы Г. Сибгатулиной, тем не менее следует указать на отсутствие в ней сравнений, взятых из «Терджимана» газетных публикаций (серия «Мусульманская цивилизация»¹³) с их тюркоязычными аналогами, которые могут дать более полное представление о том, как И. Гаспринский преподносил необходимость реформы ислама при обращении непосредственно к мусульманам. В данной работе, обращаясь к билингвизму «Терджимана», я попытаюсь восполнить данную лакуну.

Таким образом, настоящее исследование, опираясь на богатую исследовательскую литературу как непосредственно о «Терджимане», так и на работы по связанной проблематике, обращенные к анализу дискурсивных практик российских мусульман¹⁴, стремится еще более проблематизировать характер изменений в мусульманских общинах России рассматриваемого периода посредством анализа религиозного дискурса газеты «Терджиман».

Под религиозным дискурсом в данном случае понимается совокупность высказываний, относящихся к религиозной сфере, как по форме выражения, так и по форме содержания. Обращение в данной работе именно к религиозному дискурсу газеты представляется актуальным и значимым, поскольку в его рамках редакция газеты наиболее «выпукло» транслировала вопрос о необходимости «реформы ислама», а также репрезентативно формировала образ ислама в целом и российских мусульман в частности. Тем самым анализ религиозного дискурса газеты позволяет приблизиться к пониманию того, что вкладывалось в понятие «мусульманского прогрессизма», охарактеризовать нарративы, которые создавались, транслировались его приверженцами как на мусульманскую, так и на немусульманскую аудиторию в рамках российской позднеимперской модели. В этой связи для лучшей контекстуализации религиозного дискурса газеты «Терджиман» я предлагаю также обратиться к краткому описанию отдельных, значимых в рамках настоящего исследования, фактов биографии самого И. Гаспринского.

13. Мусульманская цивилизация // Терджиман, 1884. № 22, 17 июня; № 23, 25 июня; № 24, 1 июля; № 27, 30 июля; № 32, 17 сент.; № 35, 16 окт.; № 40, 11 нояб.; № 45, 19 дек.; 1885. № 1, 8 янв.
14. Бессмертная О. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // *Islamology*. 2019. № 9(1–2). С. 55–82; Kemper, M. (1998) *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889*. Berlin: Schwarz.

Портрет Исмаила Гаспринского в имперском контексте

В данном разделе я хотела бы обратиться только к тем аспектам биографии И. Гаспринского (довольно хорошо изученной), которые, на мой взгляд, наиболее ярко характеризуют его личный опыт в многогранном контексте империи, позволявшей спокойно и не встречая внутренних противоречий сосуществовать разным, иерархичным граням его субъективности (или *гибридной идентичности*, как ее охарактеризовала Г. Сибгатуллина¹⁵).

Исмаил Гаспринский родился в 1851 г. в пограничной провинции, в Крыму. Его отец Мустафа Гаспринский состоял военным переводчиком при князе М. С. Воронцове¹⁶ и благодаря своей службе получил титул потомственного дворянина. Следует отметить, что дед И. Гаспринского имел только личное дворянство, то есть его отец М. Гаспринский выслужил потомственное дворянство для своих наследников личными заслугами, в том числе за свое участие в Кавказской войне (1817–1864).

Начальное образование И. Гаспринский получил в мектебе в Бахчисарае, затем учился в средней школе в Симферополе, продолжил обучение в военных училищах в Воронеже и Москве, но не закончил полного курса¹⁷. Подобный «образовательный багаж» (наличие одновременно религиозного и светского образования) позволил И. Гаспринскому впоследствии выступить активным агентом в процессе реформирования мусульманской системы обучения в России. В этом контексте он даже вел переписку с представителями официальных российских властей, предлагая свою образовательную модель (а именно «новый [звуковой] метод» обучения или *усул-и джадид*¹⁸) как образцовую,

15. Sibgatullina, G. "When the Other speaks: Ismail Gasprinskii and the concept of Islamic reformation", pp. 214–241.

16. Михаил Семенович Воронцов (1772–1856) — русский фельдмаршал, герой наполеоновских войн. В 1823 г. он был назначен генерал-губернатором Новороссии и наместником Бессарабии. С 1844 г. Воронцов занимал должность главнокомандующего и наместника Кавказа. В 1853 г. он вышел в отставку.

17. Ганкевич В. Ю. Исмаил Гаспринский: архивные документы к ранней биографии Гасырлар авазы (Эхо веков). 2001. № 1(2). С. 138–140.

18. «Новый метод» (усул-и джадид) преподавания в мектебах подразумевал внедрение звукового метода при обучении чтению и письму на тюркских языках на арабской графике, а также введение в дополнение к религиозным предметам общеобразовательных дисциплин согласно европейской образовательной модели (математики, географии, истории, русского языка). В контексте медресе «новый метод» приобрел значение частичной секуляризации и профилизации их учебной программы.

способствующую их лучшей интеграции в имперский социум¹⁹. Его предложение не было принято, что не помешало широкому распространению «новометодных» школ в России и за рубежом. Так, согласно данным «Терджимана», на территории Российской империи и за ее пределами было открыто до 5000 подобных учебных заведений²⁰. Важно, однако, отметить, что несмотря на устоявшееся мнение, И. Гаспринский не был единственным пионером в деле распространения этого метода среди российских мусульман, что отмечалось и в самой газете²¹, но являлся, пожалуй, самым успешным его популяризатором.

Наличие дворянского титула и соответствующего ему уровня образования, полученного им в том числе в Москве, обеспечило И. Гаспринскому знание, помимо родного татарского и государственного русского, также французского языка. Хорошее знание французского, в свою очередь, позволило ему найти работу в Париже, где он проживал в 1871–1874 гг. Результатом наблюдений Гаспринского во французской столице стала брошюра «Беспристрастный взгляд на европейскую цивилизацию»²², которую он издал в 1885 г. в Стамбуле.

Этот текст конституирует концепцию «мусульманской цивилизации», которую Гаспринский представлял как основанную на достижениях европейского прогресса при сохранении исламских ценностей. Приводимые им в данной публикации аргументы против «слепой» европеизации и призывы к сохранению культурно-религиозных различий свидетельствуют о том, что Гаспринский, будучи человеком своего времени, понимал вызо-

19. В 1892 г. он направил генерал-губернатору Туркестана А. Б. Вревскому, занимавшемуся, в частности, образовательным вопросом для местных мусульман, копию своей записки о состоянии образования в Крыму, подготовленной им ранее для Министерства внутренних дел. В этой записке Гаспринский объяснял слабое стремление мусульман к изучению русского языка недостатками традиционных мусульманских школ, где ученики из-за архаичности учебных программ не могут в достаточной мере изучать арабский язык, не то что говорить по-русски, и поэтому апеллировал к необходимости их перестройки по «новому методу». Однако его письмо осталось без ответа (подробнее см.: Khalid, A. [1998] *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*, pp. 178–179. Berkeley: University of California Press).

20. К читателю // Терджиман, 1907. № 86. 28 дек.

21. Параллельно с ним звуковой метод обучения татарской грамоте применялся в Закавказье (г. Гори и г. Шуша), а закавказский педагог А. О. Черняевский даже опередил И. Гаспринского в публикации учебника по новому методу обучения, который назывался «Родная речь» и был издан в 1882 г. (Подробнее см.: *Обозрение жизни // Терджиман*, 1884. № 2. 17 янв.).

22. Gasprinskii, I. (1885) *Avrupa medeniyetine bir nazar-i muvazene*. Istanbul.

вы современности как необходимость вписаться в «европейскую культурную рамку», избегая при этом полной ассимиляции. Этот подход впоследствии нашел отражение в его проекте для российских мусульман, в котором он призывал их к интеграции в российское имперское общество путем модернизации по европейскому образцу (через русский язык и «новометодное» образование) с обязательным сохранением культурного партикуляризма (понимаемым им как принадлежность к исламу)²³.

Известно, что, вернувшись из заграничных поездок и недолго проработав учителем русского языка в Русско-татарской учительской школе при медресе «Зинджирли», И. Гаспринский занялся политической деятельностью. В 1878–1884 гг. он являлся сначала членом Городской думы, а затем заместителем городского головы и с 1881 г. — городским головой Бахчисарая. Особенно важно отметить в контексте уже известных фактов его биографии, что за недолгий срок в должности городского головы И. Гаспринскому удалось добиться половинного представительства нехристиан (мусульман) в составе Городской думы, несмотря на то, что согласно Городовому Положению 1870 г. количество нехристиан в городском самоуправлении не должно было превышать одной трети²⁴. Иными словами, Гаспринский на собственном опыте убедился в том, что «[м]ножество правовых режимов, легитимированных в рамках империи, одновременно утверждали высший авторитет российского правления и позволяли населению в значительной мере управляться самим»²⁵. Личные наблюдения подобного характера впоследствии оказали заметное влияние на дискурс «Терджимана» в отношении социально-политического положения мусульман в Российской империи²⁶.

После нескольких лет безуспешных попыток основать собственную газету И. Гаспринскому, наконец, удалось в 1883 г. получить лицензию на издание «Терджимана». При этом упорство И. Гаспринского в деле создания собственного печатного органа отража-

23. Тихонова Н. Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. № 15(3). С. 604–620.

24. Местные известия // Терджиман, 1883. 29 мая; Городовое положение 1870 [гл. 1, с. 35].

25. Burbank, J. (2017) “An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7(3): 402.

26. Подробнее см.: Тихонова Н. Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи. С. 604–620.

его понимание того потенциала, которые несли в себе газеты как современный инструмент распространения и популяризации идей. В частности, даже живя в Стамбуле в 1874–1875 гг., И. Гаспринский стремился быть включенным в российское информационное поле, выступая иностранным корреспондентом влиятельной столичной газеты «Новое время»²⁷. На материалы данной газеты он впоследствии регулярно ссылался в своем «Терджимане» и даже вел переписку с одним из ее влиятельных авторов М. О. Меньшиковым по вопросу «российско-турецкого сближения»²⁸.

Являясь бессменным редактором и издателем «Терджимана» в 1883–1914 гг., И. Гаспринский имел личные контакты и/или вел переписку с различными представителями российских элит — официальными лицами (Вревский В. О., Феоктистов Е. С. и др.), академическими востоковедами (Смирнов В. В., Радлов В. В., Самойлович А. Н., Гордлевский В. А.), журналистами (Остроумов Н. П., Меньшиков М. О., Суворин А. С.). В то же время второй брак И. Гаспринского на Зухре Акчуриной закреплял его статус в среде мусульманской элиты, не в последнюю очередь благодаря родству с влиятельным и богатым родом симбирских купцов Акчуриных. Так, поддержку газете «Терджиман» и ее издателю в разные годы оказывали многие мусульманские «духовные лица», представители буржуазии и дворянства, которых в честь десятилетия издания в 1893 г. Гаспринский поименно перечислил в тематической статье: таврический муфтий, князь Али-бей Хункалов, оренбургский муфтий Селим Гирай-мурза Тевкелев, закавказский шейх-уль-ислам М. Г. Тагиров, санкт-петербургский чиновник Таччеддин Кутлуяров, полковник Исмаил-мурза Муфтизаде (в будущем депутат Госдумы III созыва) и др.²⁹

В годы Первой русской революции И. Гаспринский использовал «Терджиман» в том числе как платформу для политической агитации в пользу партии кадетов³⁰ и аффилированного с ней *Всероссийского мусульманского союза* (1905–1907)³¹, одним из руко-

27. Зайцев И. Письма Исмаила Гаспринского А. С. Суворину и П. П. Вяземскому. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 175–179.

28. Подробнее см.: Тихонова Н. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М. О. Меньшикова // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. История. Международные отношения. 2018. № 18(3). С. 295–298.

29. От редакции // Терджиман, 1893. № 8. 25 февраля.

30. См., например: Мусульманский митинг // «Терджиман», 1905. № 88. 31 октября.

31. Всероссийский союз мусульман (тат. «Бүтүн Русия мусульманларнын иттифакы») — политическое объединение мусульман Российской империи, созданное

водителей которого сам являлся. В то же время на фоне усиления политического контроля за мусульманским населением империи в 1910–1911 гг., когда во властных структурах усилились конспирологические теории об угрозе «пантюркизма/панисламизма», к числу лидеров которых несведущие чиновники часто причисляли И. Гаспринского, на этот короткий период в газету «Терджиман» редакцией был возвращен русский раздел, который с декабря 1905 г. фактически отсутствовал (за редким исключением), но в 1910–1911 гг. стал использоваться для полемики с российскими публицистами по «мусульманскому вопросу».

На фоне кардинально изменившихся социально-политических условий в империи после 1905 г. И. Гаспринский начал в умеренной форме, но последовательно проводить в «Терджимане» идею национально-культурной автономии для российских мусульман³². Идею эту, в частности, хорошо резюмирует цитата из опубликованного на страницах газеты думского выступления близкого сподвижника И. Гаспринского, мусульманского депутата С. Максудова: «Таким образом, я заявляю, господа, мы будем жить особой национальностью и будем жить свободно в свободной России»³³.

Религиозный дискурс «Терджимана»: ислам, прогресс и империя

К религиозному дискурсу «Терджимана» следует отнести «наставительные статьи», в которых посредством обращения к священным книгам редакция передавала свою позицию по тому или иному вопросу в форме «нравоучения» (например о необходимости прилежного труда и наличии определенной степени свободы воли человека); «полезные статьи» по религиозным вопросам практического характера (обрядовость, исполнение мусульманами социальных функций согласно шариатским нормам и пр.); а также «просветительские статьи», в которых новые социальные

в годы Первой русской революции. Лидеры движения неоднократно предпринимали попытки легализации союза, но безуспешно. Идеологически союз придерживался политической линии Конституционно-демократической партии (кадетов) и в коалиции с кадетами вошел в Гос. Думу, в которой на базе союза была сформирована мусульманская фракция.

32. Подробнее см., например: *Тихонова Н.* Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи. С. 604–620.

33. Речь Максудова // Терджиман. 1910. № 11. 12 марта.

явления популяризировались и объяснялись по аналогии со внутримусульманскими реалиями, в том числе с отсылками к отдельным положениям шариата. К последнему типу относятся статьи, в которых, например, необходимость создания благотворительных обществ по европейскому образцу обосновывалась с позиции урегулирования системы распределения закята³⁴, а применение социального страхования — с точки зрения положений ислама о необходимости взаимовыручки внутри уммы³⁵.

В рамках религиозного дискурса в газете формировался не только определенный образ российских мусульман и самой газеты, но и ислама как религии. В этом ключе важной задачей редакции была демонстрация прогрессивности ислама и его совместимости с современными реалиями. Обратимся, например, к серии статей «Мусульманская цивилизация»³⁶ (в тюрк. переводе «Медениет-и исламие»), в которой рассматривается «золотой век» ислама — период культурного и интеллектуального расцвета «мусульманского мира» в VII–XI вв.

Данную серию статей, если рассматривать ее в контексте европейского диспута об исламе рубежа XIX–XX вв., можно считать попыткой опровержения выше уже упоминавшейся лекции Э. Ренана³⁷. Опровергая позицию французского исследователя и его единомышленников, И. Гаспринский в то же время следует заданной оппонентами логике повествования, воспроизводя дихотомию «прогрессивность Европы — отсталость ислама», и приводит свои контраргументы в рамках уже заданного дискурса,

34. Благотворение // Терджиман. 1884. № 8. 8 марта.

35. Важный вопрос // Терджиман. 1899. № 47. 20 декабря.

36. Мусульманская цивилизация // Терджиман. 1884. № 22, 17 июня; № 23, 25 июня; № 24, 1 июля; № 27, 30 июля; № 32, 17 сент.; № 35, 16 окт.; № 40, 11 ноябр.; № 45, 19 дек.; 1885. № 1, 8 янв. (в примечаниях к статьям И. Гаспринский указывает источники, на которые опирался при написании, а именно: «История умственного развития Европы» Дж. У. Дрейпера, «Всеобщая география» [Константинополь, 1292 г. Хиджры], «Цивилизация мусульман» Шемседдин Сами-бея [Константинополь, 1296 г.], «История испанского халифатства» [Константинополь, 1276 г.]). Примечательно, что, если по-русски список был передан так, как представлено выше, и первой ссылкой была указана работа Дж. У. Дрейпера, то по-тюркски сначала перечисляются изданные в Турции работы [причем тюркское название данной газетной серии статей повторяет оригинальное название книги Ш. Сами, т. е. «Медениет-и исламие»], а затем уже в конце указывается работа «американского мастера» Дж. У. Дрейпера).

37. Данная серия статей только косвенно ссылается на Э. Ренана, прямое опровержение позиции французского исследователя можно встретить в другой статье И. Гаспринского. См.: Судьбы магометанства // Терджиман. 1883. № 8. 10 июня.

изначально закладывая в данную серию статей посыл о необходимости обосновать техническую и научную отсталость современных ему мусульман на контрасте с известным прогрессом в прошлом (во время «золотого века»).

Русский и тюркский переводы этой серии, однако, имели некоторые расхождения, что в целом было характерно для данной двуязычной газеты. Так, например, в русском варианте одной из статей данной серии И. Гаспринский называет всего две основные причины упадка современной ему мусульманской уммы — крестовые походы и монгольское нашествие³⁸, при этом в тюркском варианте указывается уже три причины, с добавлением информации о внутримусульманских смутах и войнах между мусульманскими государствами Газневидов и Сельджуков³⁹. Таким образом, тюркский текст был, помимо прочего, направлен на то, чтобы обратить внимание самих мусульман не только на внешние, но и на внутренние причины, приведшие к их нынешнему «отсталому состоянию», и открыть внутримусульманские дискуссии по этому вопросу.

В «Мусульманской цивилизации» И. Гаспринский стремился показать, что именно ислам в эпоху «золотого века» явился для европейцев проводником наследия древнегреческой цивилизации, заложившей в свою очередь основы последующего культурного и технического развития Европы⁴⁰. Тем самым, констатируя преемственность европейской цивилизации от мусульманской, И. Гаспринский на обе аудитории транслировал идею о включенности ислама в мировое культурно-историческое наследие, а тюркоязычной в дополнение доказывал, что в заимствовании европейских научно-технических достижений нет ничего запрещенного для мусульман.

Формируя образ ислама как религии, открытой науке и прогрессу, И. Гаспринский современных ему мусульман представлял как «отсталых» и нуждающихся в просвещении, что подкрепляло образ газеты «Терджиман» в контексте ее просветительской миссии. В этой связи сложно согласиться с выводом Г. Сибгатуллиной о том, что «Все эти эссе, написанные для русскоязычной аудитории, методично представляли ислам как религию, совмести-

38. Мусульманская цивилизация // *Терджиман*, 1884. № 27. 30 июля.

39. Медениет-и исламие // *Терджиман*. 1884. № 27. 30 июля.

40. Sibgatullina, G. "When the Other speaks: Ismail Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation", p. 229. (Следует отметить, что в статье Г. Сибгатуллиной статья Гаспринского, на которую она ссылается, ошибочно именуется «Ислам и цивилизация» вместо оригинального варианта — «Мусульманская цивилизация»).

мую с рациональным мышлением и современным образом жизни, тем самым пытаясь опровергнуть распространенное представление о российских мусульманах как о закостенелых и отсталых гражданах империи»⁴¹, — выводом, который она делает, сопоставляя другую программную работу И. Гаспринского, «Русское мусульманство», с рядом созвучных эссе под авторством его современников А. Баязитова, А. Девлет-Кильдеева и Мурзы Алима (которого исследовательница представляет как *alter ego* самого Гаспринского).

В действительности же И. Гаспринский часто использовал в отношении российских мусульман термин «отсталые» и другие созвучные ему эпитеты как по-русски, так и по-тюркски⁴², в том числе в «Русском мусульманстве»⁴³, таким образом стремясь показать, что прогрессивные взгляды среди мусульман возможны, поскольку заложены в саму суть ислама, но их надо еще популяризовать, а многих «темных» единоверцев еще предстоит «разбудить от сна», в чем, собственно, и состояла многократно артикулируемая ключевая задача «Терджимана».

К примеру, И. Гаспринский усматривал причины отсталости современных ему мусульман в неверных интерпретациях отдельных положений религии: «Отсталость наша в труде, в науках объясняется (конечно, не всецело, а отчасти) неясным представлением учения о предопределении»⁴⁴. Затрагивая вопросы божественного предопределения и тем самым заходя на религиозное поле, для доказательства своей позиции и развенчивания неверных, с его точки зрения, представлений, он прибегал к высказыва-

41. Sibgatullina G. "When the Other speaks: Ismail Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation", p. 222.
42. Ср., например: Обозрение жизни // Терджиман. 1884. № 2. 17 янв. («Как далеко ни отстали мы на поприще печати и литературы от других народов, но всё же, слава Богу, имеем зачатки этого святого дела»); а также — Тюркизм // Терджиман, 1907. 13 апреля. («Если в силу исторических и географических условий мы, однако, отстали от многих народов, то это не только не лишает нас права на национальную жизнь и культуру, но, напротив, обязывает интенсивнее к ним стремиться»); или по-тюркски: Миллет огьлу // Терджиман, 1913. № 99. 10 апреля. («Поэт Тукаев... Этого имени не знает Крым, Кавказ и Туркестан, поскольку тому помешали наша отсталость, отсутствие языка, неопытность в литературе...»).
43. См., например: «между тем как современное состояние каких-нибудь бахчисарайцев, казанцев, касимовцев и прочих представляет нам материальную и умственную картину времен Иоанна Грозного, Ермака и Чобан-Гирея, с затхлою атмосферой неподвижности и застоя?» (Гаспринский И. Русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения мусульманина. Полное собрание сочинений. Т. 2: 86–87).
44. Обращение к ученым, улемам // Терджиман. 1899. № 48. 28 дек.

ваниям Пророка, таким как: «Один араб спросил у пророка: завязать ли ноги моего верблюда на ночь или предоставить его воле и попечению Аллаха? Пророк отвечал: “Прежде обвяжи ноги, а затем предоставь воле Божьей”»⁴⁵.

Нарратив об отсталости мусульман в «Терджимане» в то же время был отражением того факта, что современное джадидам состояние «мусульманского мира» представлялось ими как требующее очищения от различных *бидъа*. В «Терджимане» в связи с этим можно встретить следующие заявления:

Суть и смысл ислама и его возвышенных принципов остаются все теми же, чем они были при первых мусульманах, но *изменилось понимание религии и установились ложные отношения к ней*⁴⁶.

Вместе с тем одним из основополагающих методов для обновления и очищения ислама представлялось адекватное применение принципа *иджтихада*. В этом смысле джадиды включились в возникший под влиянием Абд ан-Насра ал-Курсави (ум. 1812) в Волго-Уральском регионе в начале XIX в. дискурс о допустимости *иджтихада*, который богослов понимал как «критику того, что он называл разложением ислама через бессмысленную умозрительную спекуляцию (в виде калама)»⁴⁷.

И. Гаспринский стремился через газетные публикации популяризовать саму идею о возможности относительно свободной интерпретации отдельных положений ислама. Так, в 1899 г. в «Терджимане» был объявлен конкурс на лучшую книгу, которая бы интерпретировала необходимость труда и степень свободы воли человека с точки зрения мусульманского права⁴⁸. В итоге редакция газеты присудила премию книге «Теских» («Исправление»), написанной мударрисом из Вятской губернии Абдуллой Нигматуллинным⁴⁹.

Интересно, что, обосновывая необходимость написания подобной книги, редакция в очередной раз констатировала, что в среде российских мусульман сложилось неверное понимание отдельных религиозных положений. В этой связи утверждалось:

45. Недоучка портит дело // Терджиман. 1884. № 5. 8 февраля.

46. Леманов И. Стоит задуматься // Терджиман. 1905. № 64. 16 авг.

47. Подробнее об этом см., например: Аликберов А. К., Бобровников В. О. Бустанов А. К. Российский ислам. Очерки истории и культуры. Москва: ИВ РАН, 2019. С. 384.

48. Обращение к ученым, улемам // Терджиман. 1899. № 48. 28 дек.

49. Премированная книжка // Терджиман. 1900. № 48. 31 дек.

Несмотря на то, что ислам предписывает труд, осторожность, действия, не противные разуму, устанавливает известную свободу воли и действия наряду с учением о предопределении (фатализм), мусульманская масса, *не понимая истинного смысла своего учения в этой его части*, совершает серьезные упущения в жизни⁵⁰.

Делая подобные заявления, редакция «Терджимана» претендовала на роль популяризатора «правильного» ислама.

Следует также отметить, что в числе распространителей неверных представлений об исламе Гаспринский указывал суфиев, к критике которых периодически обращался на страницах газеты, утверждая, в частности, что «среди ишанов и шейхов очень мало ученых и грамотных»⁵¹. Этот факт, наряду с критикой распространенности среди мусульман идеи об абсолютном божественном предопределении, соотносится с позицией по данным вопросам таких современных ему богословов, как М. Бигиев⁵².

С проблемой репрезентации ислама в газете «Терджиман» напрямую было связано и то, какой образ российских мусульман формировался в контексте их подданства в Российской империи (т. е. в немусульманской стране). В связи с этим следует отметить, что российские мусульмане в газете представлялись как особая, имеющая свои характерные отличия, но неотъемлемая часть мозаичного этноконфессионального тела империи.

Так, в «Терджимане» статьи, касающиеся практических вопросов внутренней жизни мусульман, — публикации духовной литературы, назначений на «духовные должности», вопросов брака, развода, ведения метрических книг и пр., к которым имели или могли иметь отношение такие имперские институты, как Магометанские духовные правления, — лаконично вписывались в имперский дискурс, под которым в данном случае понимается особая форма репрезентации имперскости (принадлежности к империи).

С этой позиции в газете, в частности, обосновывалась необходимость введения духовной цензуры для религиозной мусульманской литературы:

Было бы весьма хорошо, предварительной общей цензуры, подвергать такие [религиозные] книжки просмотру и одобрению подле-

50. Обращение к ученым, улемам // Терджиман. 1899. № 48. 28 дек.

51. Джевап // Терджиман. 1899. № 36. 26 сентября. (на тюрк.)

52. См., например: Бигиев М. *Халк назарына берниче меселелер*. Казань: Умид, 1912. С. 54.

жащих Магометанских духовных правлений, как то делается в отношении духовных книг армяно-григориян, католиков и лютеран, книги коих появляются в свет не иначе как по одобрению духовной власти тех исповеданий⁵³.

Однако если по-русски И. Гаспринский просто говорит о том, что духовная цензура со стороны Магометанских духовных правлений могла бы защитить мусульман от «печатной белиберды, часто преподносимой им под именем «духовного чтения», то по-тюркски он непосредственно вменяет данному имперскому институту в обязанность определять «вредное» и «невредное» в духовной мусульманской литературе.

В то же время констатация необходимости духовной цензуры для мусульманской религиозной литературы отвечала проводившейся в газете идее о распространенности в среде мусульман неверных представлений о собственной религии, вносимых в том числе посредством некачественной духовной литературы. В этом контексте в отношении мусульманской массы редакция использовала эпитет «темный люд», которому можно внушить разную «галиматью, под видом религиозно-мусульманской книжки»⁵⁴.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что в вышеуказанном примере ситуация внутри мусульманского сообщества в вопросе цензуры сравнивается с таковым у других конфессий (католиков, лютеран, армяно-григориян). Таким образом, отсылками и сравнением с другими конфессиями в газете систематически демонстрировалось имперское разнообразие и то, как Гаспринский его понимал, а именно как «единство в многообразии». Имеется в виду имперская политика в отношении национальных меньшинств, которую Дж. Бурбанк охарактеризовала как «режим имперских прав» и которой со времен Екатерины II в целом придерживались российские власти⁵⁵.

Так, признавая имперское разнообразие, И. Гаспринский в «Терджимане» старался не стереть культурные различия, отличающие мусульман от других подданных Российской империи, а наоборот их подчеркивал (как по-русски, так и по-тюркски). На-

53. К вопросу о татарской печати // Терджиман. 1890. № 5. 9 фев.

54. Там же.

55. Burbank, J. (2017) "An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7(3): 397–431.

пример, сообщая о наступлении Нового года по юлианскому календарю, в русской части он указывал:

Мусульманский новый год начинается, как известно, с 1-го Мухаррама, но так как *мы политически и географически русские мусульмане*, то Государственный, гражданский новый год *имеет для всех жителей России одинаковое значение*.

При этом по-тюркски это же утверждение было передано несколько иначе — с дополнительным (отсутствующим в русском тексте) указанием на то, что «гражданский» Новый год наступил *5-го зуль-када* (по хиджре) и что начало христианского года непосредственно для мусульман как российских подданных имеет только «политическое» значение⁵⁶. То есть в том, как он репрезентировал империю и место мусульман в ней, не было противоречия между имперским подданством и принадлежностью к мусульманскому сообществу.

Одним из ключевых методов подчеркивания культурного партикуляризма мусульман как подданных Российской империи было обращение к религиозным установлениям. Присутствие цитат из Корана, хадисов или отдельных положений шариата не только в тюркском, но и в параллельном русском тексте при этом показывает, что редакция стремилась продемонстрировать русскоязычным читателям (в первую очередь чиновникам) то, каким образом до мусульманских подданных лучше доносить официальные указы и распоряжения властей, а именно посредством ссылок на религиозные авторитеты.

В частности, такой прием был использован, когда в 1883 г. российские власти ввиду разразившейся в священных для мусульман местах эпидемии ввели временный запрет на совершение хаджа, находившегося под государственным контролем. В этой связи в газете сообщалось:

*Религиозный закон наш не дозволяет отправляться в те места, где появилась эпидемия, и запрещает также бежать и уходить из тех мест в другие. Таким образом, сомневаться в благой цели упомянутого распоряжения могут лишь люди, ничего не понимающие и не знающие указаний шариата*⁵⁷.

56. Новый год (Йени йыл)// Терджиман. 1905. № 1. 4 янв.

57. Терджиман. 1883. № 13. 15 авг.

Как было отмечено выше, цитаты из Корана и хадисов приводились как в тюркском, так и в русском разделах газеты. Но что отличало русский текст от параллельного тюркского, так это спорадическая секуляризация отдельных религиозных терминов (например, *фард* или *мумин*, которые по-русски передавались как *религиозная обязанность* / *нечто обязательное* и *мусульманин* соответственно) или их разъяснение, которое в тюркском отсутствовало. Подобный прием можно наблюдать в серии статей про *закят*, который только в русском варианте разъяснялся для читателей в качестве «ежегодно выделяемой богатыми мусульманами из своего имущества известной доли в пользу бедных»⁵⁸, а в тюркском это объяснение опускалось. То есть, помимо перевода в узком смысле слова (с одного языка на другой), редакция прибегала к переводу образному, «культурному», когда через объяснение исламских понятий текст делался доступным немусульманской аудитории⁵⁹.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что И. Гаспринский, наряду с другими мусульманскими просветителями рассматриваемого периода, не призывал к полной секуляризации общества и отходу от религии, а напротив, стремился продемонстрировать мусульманам, что, даже встраиваясь в «европейскую культурную рамку», можно и нужно сохранять свою исламскую идентичность.

Заключение

«Терджиман», как средство массовой информации, стремился распространить и популяризировать среди российских мусульман дискурс, который классифицировался им как «прогрессистский». С этой целью в отрицательном ключе демонстрировалась «отсталость мусульман», которая преподносилась как явление, которое необходимо было искоренить на пути к прогрессу. Проводником в этом смысле и должен был выступить «Терджиман» — как издание, следующее рациональному взгляду на мир.

При этом представленная в самом «Терджимане» дихотомия «прогрессивность — традиционализм» не дает в полной мере представления о том, что вкладывалось джадидами, в частности

58. Саафесь. О закяте // Терджиман. 1904. № 1. 2 янв.

59. О функционировании «культурного билингвизма» в дискурсивных практиках мусульманских интеллектуалов, подробнее см.: *Бессмертная О.* Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану. С. 55–82.

И. Гаспринским, в само понятие «прогрессивность» в контексте ислама, поскольку в религиозном дискурсе газеты по форме аргументации обнаруживается определенное сходство с тем, о чем говорили «мусульмане-традиционалисты», которые в своих трактатах также обращались к «золотому веку» ислама, призывали к очищению ислама от вредных новшеств и адекватному применению принципа иджтихада, критиковали суфизм.

Вместе с тем представления о «прогрессивности» с точки зрения европейской аналитической рамки в «Терджимане» вырисовываются вполне четко. Так, И. Гаспринский в своих спорах с оппонентами (Э. Ренаном, Н. Остроумовым и др.) о совместимости ислама и прогресса исходил из дихотомии «прогрессивность Европы — отсталость ислама» в плане научно-технических достижений и строил свои контраргументы в рамках заданного дискурса.

В этой связи следует отметить, что в свою аргументацию, например, в пользу прогрессивности ислама И. Гаспринский органично вплетал цитаты из Корана и хадисов, что говорит о том, что исламский дискурс сохранял для него значимость по своей сути. Вместе с тем «исламская рамка» по-русски (для немусульман) сохранялась в текстах, скорее, как внешняя форма, поскольку через подобный план выражения подчеркивалась сама принадлежность автора к исламу, а по-тюркски (для мусульман) — еще и как внутренняя форма, поскольку в плане содержания ссылка на священные книги придавала авторитетности высказываемым положениям по тому или иному вопросу.

Иными словами, систематическое использование в «Терджимане» ссылок на религиозные установления в обоих вариантах текста (русском и тюркском) указывает на то, что таким образом в тюркской части газетная редакция стремилась говорить на одном языке со своей целевой аудиторией (мусульманами) и доносить свои взгляды в более понятной и лучше аргументированной с их точки зрения форме, а используя тот же прием в русском тексте — подчеркивать культурный партикуляризм мусульман в имперском общественно-политическом поле, а также демонстрировать то, каким образом до мусульман лучше доносить официальную информацию.

Поскольку «Терджиман» был частью общественного дискурса Российской империи, редакция газеты могла в той или иной мере влиять на образ ислама и российских мусульман в представлениях имперской публики. Например, через отсылки к историческому прошлому мусульман демонстрировалась открытость ислама прогрессу, несмотря на текущее отсталое в научно-тех-

ническом плане состояние российских мусульман. В то же время, характеризуя основную массу российских мусульман как «темный люд», который нужно просвещать, в газете подчеркивалась ее «просветительская миссия», тем самым обосновывалась сама необходимость существования подобного мусульманского издания в России.

Важно отметить, что в параллельных русском и тюркском текстах газеты наблюдался ряд существенных различий. Как было показано выше, в русском варианте, в отличие от тюркского, некоторые религиозные понятия могли подвергаться секуляризации, а также в разноязычных текстах происходило смещение акцентов и добавление/исключение отдельных высказываний (например объяснения религиозных терминов по-русски), что в целом объясняется с точки зрения направленности на разные целевые аудитории — мусульман и немусульман соответственно. Таким образом можно говорить об инструментализации двуязычия газеты, в том числе в контексте ее религиозного дискурса.

Пример «Терджимана» показывает, что несмотря на принятое в самой газете деление на «джадидов (прогрессистов) — кадимистов (традиционалистов)»⁶⁰, данная дихотомия не отражает реального положения вещей как минимум с точки зрения методов аргументации по вопросам религии, которые имели определенные сходства у представителей обоих направлений мысли. О необходимости деконструкции этой дихотомии говорят и продолжающиеся дискуссии среди исследователей российского ислама. Так, например, Э. Лаззерини, переосмысляя зарождение джадидизма в одноименной статье⁶¹, предлагает, отказавшись от принятой дихотомии «джадиды — кадимисты», ввести взамен три категории: традиционные схоластики (те, кого принято относить к «кадимистам»), прогрессивные схоластики (М. Бигиев, Г. Баруди, Р. Фахретдинов) и собственно джадиды (И. Гаспринский, Ю. Акчурин, Х. Фаизханов). Предложенные категории, тем не менее, воспроизводят оппозицию «прогрессивность — традиционализм». Таким образом, признавая, что деконструкция — это важный аналитический инструмент, важно отметить, что исследователям еще предстоит выработать новый терминологический аппарат, который бы адекватно отражал реалии интеллектуальной жизни российских мусульман рассматриваемого периода.

60. См., например: Кадимджилик, джадидджилик // Терджиман. 1909. № 19. 5 мая.

61. Lazzarini, E. "Rethinking the Advent of Jadidism", pp. 132–148.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф. 776 — Главное управление по делам печати МВД

Периодика

Переводчик-Терджиман. 1883–1885, 1893, 1899–1900, 1904–1905, 1909.

Источники

Гаспринский И. Русское мусульманство: мысли, заметки, наблюдения мусульманина // Полное собрание сочинений Исмаила Гаспринского. Т. 1. / Сост.: Сеитванниева Г. Ю., Сеитметова С. А., под ред. Хакимова Р. С. Симферополь: ООО ФОРМА, 2016. С. 82–111.

Литература

Аликберов А. К., Бобровников В. О., Бустанов А. К. Российский ислам. Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2019.

Бессмертная О. Ю. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Аталлы Баязитова Эрнесту Ренану // *Islamology*. 2019. Т. 9. № 1–2. С. 55–82.

Бигиев М. Халк назарына берниче меселелер. Казань: Умид, 1912.

Ганкевич В. Ю. Исмаил Гаспринский: архивные документы к ранней биографии // *Гасырлар авазы (Эхо веков)*. 2001. № 1(2). С. 136–141.

Зайцев И. В. Письма Исмаила Гаспринского А. С. Суворину и П. П. Вяземскому // *Крымское историческое обозрение*. 2019. № 1. С. 175–179.

Остроумов Н. П. Что такое Коран? По поводу статей г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мирзы Алима. Ташкент: Типография, арендуюема Ф. Б. Базилевским, 1883.

Тихонова Н. Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М. О. Меньшикова // *Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. История. Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 3. С. 295–298.

Тихонова Н. Е. Роль крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман» в этнокультурном и политическом дискурсе в России в 1880–1910-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2019.

Тихонова Н. Е. Исмаил Гаспринский об интеграции мусульман в социально-политическое пространство Российской империи // *Minbar. Islamic Studies*. 2022. Т. 15. № 3. С. 604–620.

Archives

RGIA (Russian State Historical Archive)

F. 776 — Glavnoe upravlenie po delam pechati MVD [Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs]

Sources

Gasprinskii, I. (1885) *Avrupa medeniyetine bir nazar-i muvazene*. [Critical view on European civilization]. Istanbul: Matbaa-i Ebuzyiyya.

Gasprinskii, I. (2016) "Russkoe musul'manstvo: mysli, zametki, nabliudeniia musul'manina" [Russian Mohammadanism: thoughts, notes, observations of a Muslim], in R. S. Khakimov (ed.) *Polnoe sobranie sochinenii Ismaila Gasprinskogo*. T. 1. pp. 82–111. Simferopol': OOO FORMA.

Periodics

Perevodchik-Terjiman [Translator]. 1883–1885, 1893, 1899–1900, 1904–1905, 1909.

Literature

- Alikberov, A. K., Bobrovnikov, V. O., Bustanov, A. K. (2019) *Rossiiskii islam. Ocherki istorii i kul'tury* [Russian Islam. Essays on history and culture]. M.: IV RAN.
- Bessmertnaia, O. Iu. (2019) "Ponimanie istorii i identichnost' avtora v vozrazheniiakh Atauly Baiazitova Ėrnestu Renanu" [The Vision of History and the author's identity in Ataulla Baiazitov's "Objection" to Ernest Renan], *Islamology* 9(1–2): 55–82.
- Bigiev, M. (1912) *Khalk nazaryna berniche meseleler* [A Few Questions for People to Consider]. Kazan': Umid.
- Burbank, J. (2017) "An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 7(3): 397–431.
- DeWeese, D. (2016) "It Was a Dark and Stagnant Night (Till the Jadids Come and Brought the Light): Cliches, Biases and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia", *Journal of the Economic and Social History of the Orient* (59): 37–92.
- Zaitsev, I. V. (2019) "Pis'ma Ismaila Gasprinskogo A. S. Suvorinu i P. P. Viazemskomu" [Ismail Gasprinskii's Letters to Alexei Suvorin (1876) and Pavel Viazemski (1882)], *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* 1: 175–179.
- Kemper, M. (1998) *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889*. Berlin: Schwarz.
- Khalid, A. (1998) *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press.
- Lazzerini, E. (2015) "Rethinking the Advent of Jadidism", *Kazan Islamic Review* (1): 132–148.
- Lazzerini E. (1992) "Ismail Gasprinskii's Perevodchik" [Tercüman: a clarion of modernizm], in H. B. Paksoy (ed.) *Central Asian Monuments*, pp. 143–156. Istanbul: Isis press.
- Meyer, J. (2014) *Turks Across Empires: Marketing Muslim Identity in the Russian-Ottoman borderlands, 1856–1914*. Oxford: Oxford University Press.
- Ostroumov, N. P. (1883) *Chto takoe Koran? Po povodu statei gg. Gasprinskogo, Devlet-Kil'deeva i Mirzy Alima* [What is the Quran? Concerning the articles by Messrs. Gasprinskii, Devlet-Kil'deev and Murza-Alim]. Tashkent: Tipografiia, arenduemaia F. B. Bazilevskim.
- Renan E. (1883) *L'Islamisme et la science: conférence faite à la Sorbonne le 29 mars 1883* [Islam and science: a lecture presented at La Sorbonne on March 29, 1883]. Paris: Calmann Levy Editeur.
- Sibgatullina G. (2022). "When the Other speaks: Ismail Gasprinskii and the Concept of Islamic Reformation", *Journal of Economic and Social History of Orient* (65): 214–241.
- Tikhonova, N. E. (2018) "Idei rossiisko-turetskogo sblizheniia vo vzgliadakh i perepiske I. Gasprinskogo i M. O. Men'shikova" [The Ideas about Russian-Turkish Rapprochement in the Views and Correspondence between I. Gasprinskii and M. O. Menshikov], *Izvestiia Saratovskogo un-ta. Nov. seria. Ser. Istoriiia. Mezhdunarodnye otnosheniia* 18(3): 295–298.

- Tikhonova, N. E. (2019) *Roľ krymskotatarskoj gazety "Perevodchik-Terdzhiman" v etnokul'turnom i politicheskom diskurse v Rossii v 1880–1910-e gg.* [Crimean Tatar the "Perevodchik-Terjiman" newspaper and its role in ethnocultural and political discourse in Russia in 1880s–1910s]. PhD Thesis. Saint Petersburg.
- Tikhonova, N. E. (2022) "Ismail Gasprinskii ob integratsii musul'man v sotsial'no-politicheskoe prostranstvo Rossiiskoi imperii" [Ismail Gasprinskii on integration of Muslims into socio-political space of the Russian empire], *Minbar. Islamic Studies* 15(3): 604–620.
- Tuna, M. (2017) "Pillars of the Nation": The Making of Russian Muslim Intelligentsia and the origin of Jadidism", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18(2): 257–281.

Приложение. «Исмаил-бей Гаспринский. К вопросу о национальном движении российских тюрок»

Оригинал статьи Герхарда фон Менде «Исмаил Гаспринский. К вопросу о национальном движении российских тюрок»⁶² (Ismail bey Gasprinski. Zur nationalen Bewegung der Russlandtürken) был опубликован в 1934 г. в немецком научном журнале "Osteuropa"⁶³. По части биографии и идеологических воззрений И. Гаспринского статья опирается на материалы вышедшей в том же году в Стамбуле книги крымскотатарского эмигранта, общественно-политического деятеля и публициста Джафера Сейдамета Кырымера (1889–1960)⁶⁴ «Гаспыралы

62. Mende von, G. (1934) "Ismail bey Gasprinski. Zur nationalen Bewegung der Russlandtürken" [Ismail Gasprinskii. Concerning the national question of Russian Turks], *Osteuropa* 10(1): 39–44.
63. Журнал *Osteuropa* (Восточная Европа) — немецкий междисциплинарный научный журнал, основанный в 1925 г. переводчиком, публицистом и политиком Отто Гётшем, который также являлся основателем *Немецкого общества изучения Восточной Европы*. Изначально О. Гётш стремился объединить вокруг журнала эмигрантов немецкого происхождения из бывшей Российской империи и Советского Союза (в том числе балтийских немцев, к числу которых принадлежал и Герхард фон Менде). Журнал издавался в 1925–1939 гг., в годы Второй мировой войны издание журнала было временно приостановлено, по всей видимости, ввиду обвинений редакции в «пробольшевистских взглядах». В 1951 г. журнал был воссоздан публицистом Клаусом Менертом и издается по настоящее время. Основные направления журнала — исследование политики, истории, культуры, экономики и общества Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.
64. Джафер Сейдамет (в 1930 г. в Турции принял фамилию Кырымер) после Февральской революции принимал участие во Всероссийском мусульманском конгрессе (май 1917 г., Москва). В краткий период существования Крымской народной республики (декабрь 1917 — январь 1918 г.) занимал должность военного министра и министра иностранных дел. После прихода большевиков бежал в Киев, оттуда в Берлин и Стамбул. В Турции занимал видное место среди российских мусульманских эмигрантов, вместе с Мюстеджибом Улькусалом участвовал в создании журнала *Emel* для крымскотатарской диаспоры. В период оккупации Крыма

Исмаил-бей», в которой фамилия Гаспринского впервые была представлена на турецкий лад (Gasprali). Несмотря на то, что сам Гаспринский так никогда не подписывался, благодаря книге Дж. С. Кырьмера данная вариация впоследствии закрепились за просветителем в турецкой, западной и частично постсоветской исследовательской литературе.

Автор статьи Герхард фон Менде (1904–1963) — немецкий тюрколог и советолог, профессор, общественно-политический деятель. Происходил из семьи балтийских (остзейских) немцев из Риги. В 1919 г. большевиками был убит его отец-банкир, после чего его мать с детьми вынуждена была бежать в Германию.

Герхард фон Менде владел помимо немецкого также русским, украинским, латышским, французским, английским, турецким и др. языками, и состоял в ряде общественных объединений балтийских немцев из бывшей Российской империи, что впоследствии способствовало установлению им широкого круга личных связей среди российской и советской эмиграции в Европе.

С 1927 г. фон Менде изучал русистику и тюркологию в Берлинском университете, а в 1933 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исследования по колонизации Советского союза» (*Studien zur Kolonisation der Sowjetunion*) в Университете Бреслау, после чего в 1935 г. прошел хабилитацию в Берлинской Высшей школе экономики с работой «Национальные устремления тюркских народов России» (*Die nationalen Bestrebungen der Türkvölker Russlands*). В 1936 г. фон Менде выпустил книгу «Национальная борьба российских тюрков»⁶⁵, отдельный раздел в которой посвящен Исмаилу Гаспринскому. В 1938 г. была опубликована его работа «Народы Советского Союза» (*Die Völker der Sowjetunion*), а в 1941 — «Народы Восточных областей» (*Die Völker des Ostraums*)⁶⁶.

На момент написания статьи об И. Гаспринском (1934), с 1933 г. Герхард фон Менде состоял в боевой организации Национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP) —

в годы Второй мировой войны вместе с М. Улькусалом посещал Германию. Его книга об И. Гаспринском на долгие годы стала одной из самых цитируемых книг по биографии просветителя, хотя в ней содержится ряд существенных ошибок и неточностей.

65. Mende von, G. (1936) *Der nationale Kampf der Russlandtürken*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung.

66. Mende von, E., Mende von, B. (2016) *Gerhard von Mende (1904–1963), Ein Bürokrat der mittleren Ebene. Der Versuch einer Quellenkritik*, p. 26. o. O.

штурмовых отрядах (*Sturmabteilung*), из которых вышел в 1936 г.⁶⁷

С сентября 1934 г. он являлся экспертом иностранного отдела Министерства народного просвещения и пропаганды, а с апреля 1936 г. временно замещал вакантное место профессора русских национальных исследований в Зарубежной высшей школе Берлинского университета и одновременно возглавлял там же Институт России (*Russland-Institut*). В 1940 г. Г. фон Менде стал экстраординарным профессором по национальным исследованиям народов Средней Азии на факультете зарубежных исследований Берлинского университета, что определило дальнейшее направление его карьеры в политической сфере⁶⁸.

Так, в годы Второй мировой войны Г. фон Менде руководил Кавказским отделом Императорского министерства оккупированных восточных территорий Третьего рейха (*Ost-Ministerium*). В послевоенный период фон Менде возглавлял Исследовательскую службу Восточной Европы, которая спонсировалась МИД ФРГ и занималась предоставлением информации Федеральной разведывательной службе Германии и ЦРУ⁶⁹.

* * *

В Советском Союзе проживает — согласно переписи населения от 17 декабря 1926 года — чуть менее 17 млн. тюрков⁷⁰ (с учетом тюрков-немусульман [якутов, чувашей, алтайцев и др.] — прим. перев.). После украинцев они являются самым многочисленным национальным меньшинством в СССР и превосходят по численности турок в Турции [16,8 млн согласно переписи 1935 г. — прим. перев.]. С поразительным единодушием российская общественность предвоенного периода игнорировала существование этой нации. Она выступала объектом полицейского надзора, в лучшем случае — востоковедения. Дальше этого дело не шло. Ситуация несколько изменилась после Октябрьской революции. Тюркские

67. Ibid., p. 224.

68. Loose, I. (2005) "Der Türkologe Gerhard von Mende (1904–1963)", in Jahr C. (ed.) *Die Berliner Universität in der NS-Zeit. Band 1: Strukturen und Personen*, pp. 62–63. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.

69. Meining, S. (2011) *Eine Moschee in Deutschland. Nazis, Geheimdienste und der Aufstieg des politischen Islam im Westen*. München: C. H. Beck.

70. Я не буду здесь вдаваться в критику этой цифры. Отмечу лишь, что сами турки считают, что в СССР проживает около 25 млн тюрков.

народы получили официальное признание своего существования в результате создания нескольких федеративных республик, автономных республик и автономных областей, в рамках которых «национальное» разрешалось развивать как «национальную форму социалистического содержания». Во всяком случае это привело к тому, что отдельные проблемы российских тюрков стали затрагиваться также и в русской литературе, причем появился местами довольно интересный материал по довоенному периоду. Однако недостатком этих представлений является то, что они не в состоянии отразить развитие тюркских народов в нацию в рамках существующей концепции, согласно которой национальное как компонент буржуазных воззрений должно быть преодолено интернациональностью рабочего класса, то есть [отразить] то, что составляло содержание последних 40–50 лет жизни тюрков в России. Замалчиваются не тюркские народы как таковые — отдельные племена переживают сегодня свое возрождение в качестве, так сказать, этнографических музейных экспонатов, — а умаляется и принижается их воля к жизни, нашедшая воплощение в их национальных устремлениях. В отрицании национального коммунистическая идеология совпадает с политическими целями русскости (*das Russentum*), и обе они препятствуют свободной оценке и обсуждению происходящего. Литература, издаваемая в СССР на различных тюркских диалектах, не может быть исключением. Как ни силен был национальный подъем среди российских тюрков в годы потрясений (1917–1918 гг.), дискуссия о национальных целях, особенно о проблеме национального самосохранения, сегодня полностью замалчивается, допускается лишь определенный национальный сепаратизм, который приемлем, поскольку приводит к дроблению совокупности российских тюрков на мелкие незначительные народности.

Поэтому носители национально-тюркской идеи могут высказываться только в эмиграции. Но и здесь они связаны определенными опасениями, поскольку открытое обращение к своим национальным требованиям в Турции, которая могла бы стать для этого хорошей почвой, не представляется целесообразным из-за ее дружественных отношений с СССР. Помимо обыденной политической литературы, стремящейся и дальше культивировать идею национального единства тюркских народов, существует лишь небольшое количество работ, в которых делается попытка представить культурные и национальные устремления, развитие и положение российских тюрков в более широком контексте.

К ним относятся, прежде всего, книга «Казанские турки» А. Батала (*Kazan Türkleri*, Istanbul 1925) и недавно вышедшая книга Джафера Сейдамета об Исмаил-бее Гаспринском⁷¹, которая заслуживает особого внимания как с точки зрения самого автора, так и с точки зрения описываемой в ней личности.

Джафер Сейдамет⁷² принадлежит к молодому поколению российских турецких националистов. Он родился в Крыму в семье зажиточного крестьянина, учился в Стамбуле, бежал оттуда в Париж после того, как его хотели арестовать по наущению агента русской тайной полиции из-за его работы «Угнетенный татарский народ», опубликованной в 1910 г., учился в Сорбонне, а затем в Петербургском университете, участвовал в мировой войне в качестве прапорщика, а после Февральской революции вернулся в Крым, где вместе со своим другом Челеби Челебиевым, национальным революционером, убитым большевиками в 1918 году за свой национализм, пытался создать татарскую Крымскую республику, которая, ввиду слабости татарского элемента в Крыму, задумывалась как «демократическая республика на национально-федеративной основе». Джафер Сейдамет был министром иностранных дел этой республики до своего бегства в 1918 году. Таким образом, он прошел путь развития, характерный для молодых турецких националистов России. Его можно считать одним из самых сердечных, знающих и способных [людей] в эмиграции. Его книга об Исмаиле Гаспринском, с которой он обращается к турецкой молодежи, — это сигнал об идее национального единства, создателем и поборником которой был Исмаил-бей Гаспринский.

Невозможно за короткий промежуток времени вникнуть в развитие и суть турецкого национализма в России во всех его проявлениях. Столкновение с исламом, влияние Европы через турок-османов и через русскость, попытка подавить племенные особенности, языковой вопрос, территориальные проблемы, позиция по отношению к русскости — вот вопросы, которые необходимо было бы учесть. Фигура Гаспринского, однако, раскрывает основные моменты возникновения и целей российского турецкого национализма, поскольку он воплощает их в себе в полной мере.

71. Kirimli Cafer Seydahmet, *Gaspirali Ismail Bey*, Türk Anonim Sirketi, Istanbul 1934, 248 s. (ссылка оставлена в неизменном виде).

72. О К. Сейдамете см. в статье В. Елагина «Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы» в журнале «Новый Восток» № 4, с. 190 и далее.

До появления Гаспринского ислам был доминирующим законом жизни российских тюрков. Он объединял их в религиозно-культурную общность и выделял по отношению к внешнему миру как магометан. В Бухаре, ставшей основным центром получения образования для российских тюрков, ислам приобрел ярко выраженный формалистский характер, который препятствовал внутреннему развитию и полностью изолировал российских тюрков от европейских влияний, тем более что они были привнесены врагом — русскостью. Так, примерно к середине XIX века стагнирующая магометанская религиозная община столкнулась с прогрессирующей в экономическом и культурном отношении Европой. Завоевание Туркестана и проигранные войны с Россией ярко выявили эту внутреннюю слабость. Такова была ситуация к моменту появления Гаспринского.

К вопросу о собственной нации Исмаил-бея Гаспринского (1851–1914) подтолкнул русский национализм Каткова, в доме которого он жил во время учебы в Московской военной гимназии [*Этот факт не имеет подтверждений и передается в книге Дж. Сейдамета с ошибками — прим. перев.*]. В Константинополе, куда он отправился служить своему народу, и в Париже он познакомился с превосходством европейского мира. Эти два впечатления, пробудившие в нем осознание своей нации и ее отсталости, стали отправной точкой борьбы за культурное и национальное обновление своего народа, которой он посвятил свою жизнь. Они же определили и направления, в которых он развивал свою деятельность. Во-первых, его народ должен был стремиться достичь образовательного уровня европейских наций, чтобы иметь возможность отстаивать свои жизненные интересы, вооружившись равноценным образованием. Этой цели служила его школьная реформа по европейскому образцу [*усул-и джадид — прим. перев.*]. А во-вторых, религиозная общность, которая могла быть ослаблена новыми образовательными целями, должна была быть заменена более тесным и прочным национальным единством. Это, по-видимому, усилило соперничество между религией и нацией, а деятельность Гаспринского была воспринята магометанским духовенством, связанным старыми традициями, как выпад против религии. Но нельзя упускать из виду одно обстоятельство. В России магометане и тюрки, как правило, совпадают [*значительное число российских мусульман — не тюрки (чеченцы, ингуши, кабардинцы и др.), так же как не все тюрки — мусульмане (якуты, чувашаи, караймы и др.) — прим. перев.*]. Таким образом, при переходе от преимущественно

религиозно обусловленного к преимущественно национально обусловленному чувству ничего не изменилось в позиции по отношению к русскости. Здесь не требовалось нового разграничения, чтобы религиозная инаковость, в том числе и для ощущения себя как тюрка и магометанина, была полностью поглощена национальной инаковостью. Религия постепенно становилась компонентом национального.

Сам Гаспринский был одновременно и истинным мусульманином, и этническим тюрком. Своей школьной реформой он служил отнюдь не только своему народу, но и всем мусульманским народам, которые пытались преодолеть свою культурную отсталость под натиском Европы. Свои культурные цели, школьную реформу и освобождение женщин он сознательно отстаивал для всего исламского мира, поскольку это были задачи, затрагивавшие весь исламский мир⁷³.

Однако подлинное значение Гаспринского лежит в национальной сфере. Он первым попытался объединить как тюрков различные тюркские племена России. В своей газете «Терджиман», которая впервые вышла в апреле 1883 г. и до 1905 г. была единственной газетой в России, издававшейся на тюркском языке [с 1883 по 1905 г. в России выходили и другие тюркоязычные издания — «Кешкюль» (1880–1891), «Зия-и Кавказия» (1880–1884), «Шарк-и рус» (1903–1906), «Туркестанская туземная газета» (1883–1917) — прим. перев.], он обратился к соотечественникам с лозунгом: «Единство в языке, мыслях и делах» [данный лозунг появился в шапке газеты только в октябре 1912 г. — прим. перев.]. Это был призыв сплотиться вокруг тех вопросов, которые можно было с определенным успехом отстаивать в том положении, в котором находились российские тюрки в российском государстве, а именно сохранение родного языка и создание национальных учебных заведений. Он на собственном примере показал, как нужно решать эти два вопроса. Он никогда не смог бы собрать все силы для решения этих задач, если бы не использовал такой современный инструмент, как газета. Через его «Терджиман», в котором он в течение 30 лет «не ставя под угрозу концессии» вновь и вновь пропагандировал свои идеи, волжский тюркок узнавал о потребностях кавказского тюрка. Он первым устано-

73. Гаспринский был инициатором проведения в 1908 г. в Каире Всемирного мусульманского конгресса, который должен был рассмотреть причины отсталости исламских народов и пути ее преодоления [Конгресс в результате так и не состоялся. — прим. перев.].

вил эти связи. Школьная реформа, начатая Гаспринским в 1884 г. с образцовой школы в Бахчисарае и ставшая основой культурного обновления, стала общим достоянием всех российских тюрков.

Усилия Гаспринского по объединению российских тюрков приобрели наиболее яркое национально-тюркское воплощение в языковом вопросе. До этого времени вопрос о тюркском языке не поднимался никем кроме Каюма Насыри из Казани. В интеллектуальной жизни, определявшейся религиозной принадлежностью, использовался арабский, персидский или многословный «тюрки тил» — тюркский язык, основанный на чагатайском, — поэтому отдельные тюркские диалекты, более схожие между собой, чем едва ли возможно в любом другом языке, не имели собственной литературы. Тем более не существовало общепринятой письменности на тюркском языке. Гаспринский был первым, кто попытался создать общий тюркский письменный язык, который он сформировал на основе своего крымского диалекта с сильной привязкой к османскому и из которого постарался по возможности исключить иноязычное влияние — арабско-персидское и русское [*в этом языке присутствовало большое количество арабских, персидских и русских слов, а также персидский изафет.* — прим. перев.]. Этот язык был, несомненно, понятен любому грамотному тюрку. Он распространил его посредством того, что сам на нем писал. Его переняла значительная часть российской тюркской прессы. То, что он не утвердился в полной мере, объясняется, вероятно, тем, что не было достаточно многочисленной, однородной прослойки населения, которая могла бы стать носителем нового языка. Развитие отдельных диалектов в письменные языки все больше и больше оттесняло его назад. Сегодня в СССР ему, похоже, нет места. Здесь сознательно поощряется разделение языков, поскольку это лучший способ побороть идею тюркского национального единства. То, что идея эта была жива в СССР еще до недавнего времени, доказывает дело Султана Али 1929 года [*по всей видимости, имеется в виду Султан-Гали Х.М. (1892–1940).* — прим. перев.]. Однако сегодня открыто продвигать идею национально-тюркского единства можно только в эмиграции, как это сделал Джафер Сейдамет.

Перевод с немецкого Надежды Тихоновой